

Dzieje biurokracji tom IV

Лариса Жеребцова
(Днепропетровский Национальный Университет)

Влияние великокняжеской канцелярии на первичную бюрократизацию таможенной системы Великого Княжества Литовского*

Под бюрократией понимают – структуру организации, для которой характерны четкая управленческая иерархия, правила и стандарты, показатели оценки работы, принципы найма, основывающиеся на компетенции работника. Изучаемый период – конец XV – 30-е гг. XVI в. в истории становления и формирования таможенной системы на землях Великого Княжества Литовского (ВКЛ) корректней характеризовать как „протобюрократический”. Предложенная Максом Вебером концепция „бюрократии” – как системы администрации, осуществляемой на постоянной основе специально подготовленными профессионалами в соответствии с предписанными правилами¹, позволяет исследовать развитие таможенной системы с точки зрения социологии организации.

В предложенной постановке темы имеется утверждение, что великокняжеская канцелярия оказала влияние на формирование таможенной системы на землях ВКЛ. Это объясняется несколькими примерами: во-первых, канцелярия и таможенная служба имели общие точки соприкосновения, во-вторых, их институциональное становление происходило практически параллельно, в-третьих, существовала практика, когда один из писарей канцелярии становился начальником скарба ВКЛ – подскарбием земским, в подчинении которого находились таможенники.

Цель работы – выяснить степень влияния канцелярии на становление таможенной службы как государственной структуры с определенной администрацией. Рабочая гипотеза состоит в том, что канцелярия выступала фактором первичной бюрократизации таможенной системы в целом и практической организации таможенной службы и делопроизводства на мытных коморах в частности. Такая связь прослеживается потому, что канцелярия была единственной структурой, которая обслуживала все сферы общественной и политической жизни ВКЛ, а работа таможенной службы регулировалась и контролировалась доку-

---

* Автор благодарит научного сотрудника Института Истории Литвы Лаймонтаса Каралюса за ценные советы и предоставленные материалы для написания статьи.

¹ Д. Битэм, *Бюрократия*, „Социологический Журнал”, 1997, nr 4, s. 165-167.

ментами, выданными канцелярией.

Связующим звеном между канцелярией и таможенной службой являются документы, выдаваемые в канцелярии. Архивные рукописные книги великокняжеской канцелярии получили название – Литовская Метрика (ЛМ), которая послужила основным источником для проведения исследования.

Информация об организации таможенной службы на землях княжества отразилась практически во всех видах записей ЛМ, наиболее численными среди которых документы договорно-законодательного вида, представленные жалованными грамотами – привилеи, аренды, подтверждения, договорно-распорядительного вида – листы и регистрационного – личбы, квитанции², отправки³, содержащие данные о приходах и расходах с полученных пошлин. Видовое разнообразие записей свидетельствует об отсутствии специальной документации, регулирующей работу таможенной службы. Преобладание жалованных указных грамот, адресованных представителям местной администрации, и, иногда, мытникам, указывает, что таможенная система в изучаемое время находилась на стадии формирования, выработки основных принципов и методов деятельности.

Для удобства изучения таможенной системы нами была разработана информационно-поисковая система „Мыто“ – база данных, содержащая информацию об известных пошлинах (42 вида) и документах (архивных и опубликованных), в которых они отражаются⁴.

Великокняжеская канцелярия – государственная структура, документально обеспечивающая деятельность центральных органов власти. Основной задачей канцелярии было документирование решений великого князя и Панов-рады по управлению государством, а также сейма, который не имел своего секретаря. Формально канцелярия выполняла техническую подготовку документов. Однако помимо выполнения делопроизводственных функций работникам канцелярии поручались и другие задания, не связанные с работой по созданию документов, в частности – принятие отчетов у восковничих, соляничих и мытников ВКЛ о доходах с таможенных пошлин. Служебный штат канцелярии состоял из канцлера, возглавляющего канцелярию, писарей и дяков, отвечающих за переписывание документов⁵.

---

² *Личбы и квитанции* – отчеты о доходах и расходах с определенных пошлин, представленные мытниками по окончании срока аренды.

³ *Отправки* – реестры пожалований в денежной или натуральной форме их государственной казны князьям, панам, землянам или урядникам, которые обеспечивались доходами с определенных пошлин и оплачивались мытниками по ассигновкам великого князя.

⁴ О создании, использовании и назначении базы данных „Мыто“ как электронного ресурса по истории таможенной системы ВКЛ zob. Л. Жеребцова, *Полнотекстовая информационно-поисковая система „Мыто“*, [w:] *Информационный бюллетень Ассоциации „История и компьютер“: материалы XI конф. ассоциации „История и компьютер“*, Moskwa-Tambow 2006, s. 173-174; teŕzej, *Создание электронного ресурса по истории таможенной службы Великого княжества Литовского (на примере базы данных „Мыто“)*, [w:] *Информационный бюллетень Ассоциации „История и компьютер“: материалы XI конф. ассоциации „История и компьютер“*, Moskwa 2010, s. 65-66.

⁵ *Энциклапедыя „Вялікае княства Літоўскае“*, t. 2, Mińsk 2006, s. 37-38.

Канцелярия ВКЛ уже с середины XV в. оставляла себе копии текстов выдаваемых документов. Принципы организации, приемы, методы и виды практической деятельности канцелярии особенно развились в конце XV – первой четверти XVI в. Расширение сферы деятельности канцелярии и возложение на нее все новых функций государственного управления вызывало структурные изменения и дифференциацию специализации штата сотрудников канцелярии ВКЛ. С ростом потока документов, выдаваемых канцелярией ВКЛ, их копии стали заноситься в разные книги по тематическому признаку, и таким образом формировались книги ЛМ⁶.

В историографии великокняжеской канцелярии и, созданных в результате ее деятельности рукописных книг ЛМ, можно выделить работы М. Любавского⁷, Ю. Бардаха⁸, К. Петкевича⁹, Э. Баниониса¹⁰ и А. Груши¹¹, которые отражают особенности работы самой канцелярии, формирование ее штата, а также восприятия книг ЛМ в общественно-политическом пространстве ВКЛ. Характерные черты: 1) работа канцелярии была несовершенной, по причине недостаточно исправного функционирования аппарата власти; 2) практики фиксирования всех исходящих из канцелярии документов не существовало; 3) деятельность канцелярии отражает особенности формирования письменной культуры ВКЛ, поскольку письменный документ уже имел решающее значение в качестве доказательства правоспособности тех или иных лиц; 4) записи в книгах ЛМ не воспринимались как вполне надежные, ЛМ по своей сути не являлась „базой данных“, которая бы помогла осуществить правосудие и контроль; 5) общественное сознание еще было недостаточно готово воспринимать записи наравне с оригиналами, которые выдавались на руки.

Под таможенной системой следует понимать совокупность средств и методов государственного регулирования перемещения товаров через границу, экспорта/импорта товаров, а также организацию таможенной службы на землях ВКЛ. Понятие „таможенная служба“ подразумевает практическую работу по взиманию пошлин на таможах (формирование штата таможи, выделение его прав и обязанностей, ведение делопроизводства по приходам и расходам с пошлин, условия деятельности мытников и т.д.). Организационную основу таможен-

⁶ Lietuvos Metrika (dalej: LM), Knyga Nr 5. (1427-1506), oprac. E. Banionis, Wilno 2003, s. 5.

⁷ М. Любавский, *Литовско-русский сейм. Опыт по истории учреждения в связи с внутренним строем и внешнею жизнью государства*, Москва 1900, s. 386-394.

⁸ J. Bardach, *Studia z ustroju i prawa Wielkiego księstwa Litewskiego XIV-XVII w.*, Warszawa 1970, s. 351-378.

⁹ K. Pietkiewicz, *Wielkie Księstwo Litewskie pod rządami Aleksandra Jagiellończyka. Studia nad dziejami państwa i społeczeństwa na przełomie XV i XVI wieku*, Poznań 1995, s. 13-42.

¹⁰ LM, Knyga Nr 5. (1427-1506), s. 5-28.

¹¹ Zob. А. Груша, „Просите, и дано будет вам (Мф. 7:7)“. Еще раз к вопросу о „заочных“ листах канцелярии Великокого Княжества Литовского, „Соціум. Альманах Соціальної Історії“, 2008, nr 8, s. 225-279; tegoż, *Службовий склад і структура канцелярії Вялікаго Княства Літоўскага 40-х гадоў XV – першай паловы XVI ст.*, „Metriciana“, t. 1, Mińsk 2001, s. 11-46; tegoż, *Канцелярыя Вялікага княства Літоўскага 40-х гадоў XV – першай паловы XVI ст.*, Mińsk 2006, s. 215; tegoż, *Доверял ли монарх своим подданным? (из жизни общества Великокого княжества Литовского конца XV – первой трети XVI в.)*, [w:] *Istorijos šaltinių tyrimai*, pod red. D. Antanavičius, D. Baronas, Wilno 2010, s. 43-84.

ной системы составляли таможенные округа. В центре таможенного округа размещали главную мытную комору (таможню), на границах или торговых путях округа – прикоморки (филиалы главной таможни), а в небольших городах или селах – посты, где стояла таможенная стража¹².

Мытники не являлись урядниками великого князя, с четко определенными полномочиями. Ими, преимущественно, становились евреи¹³ из числа купцов, торговцев и мещан. В 21 артикуле *Первого Литовского Статута* „о мытах” лиц, получивших право взимать пошлыны, не определяют как службеников или финансовых агентов великого князя на местах:

[...] абы жадин чоловек в панстве нашом Великом князьстве Литовском не смел новых мыт вымышляти ани вставляти... а мели бы на то листы предков наших великих князей або наши¹⁴.

Поэтому, таможенная служба во многом имела частный характер, а ее организация лежала на лицах, получивших право взимания пошлын. Таможенники, независимо от этнического происхождения¹⁵, являлись особой категорией „государственных служащих”, подсудность которых определялась судом великого князя¹⁶, а с 1531 г. – подскарбия земского¹⁷.

Условия работы мытника определились договором аренды. При наиболее распространенном способе управления таможнями – аренде таможенных пошлын за определенную сумму, отношения господаря и таможенника регулировались документом аренды – договор великого князя с откупщиком таможенных сборов, условия которого определяли его юридический статус и внутренний

¹² Об особенностях становления и развития таможенной системы на украинских землях ВКЛ Zob. М. Довнар-Запольский, *Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах*, t. 1, Kijów 1901, s. 363-574; М. Любавский, *Областное деление и местное управление Литовско-русского государства ко времени издания первого Литовского Статута. Исторические очерки*, Moskwa 1982, s. 502-518; Л. Жеребцова, *Структура митной системи Великого князівства Литовського в кінці XV – середині XVI ст.*, [w:] *Міжн. наук. конфер. „Україна і Велике князівство Литовське в XIV-XVIII ст.: політичні, економічні, міжнаціональні та соціокультурні відносини у загальноєвропейському вимірі” Кам’янець-Подільський 27-29 вересня 2007*, Kijów 2007, s. 48-50; О. О. Дячок, *Мережа митниць на українських землях середини XIV-середини XVII ст.*, „Історія торгівлі, податків та мита”, Dniepropietrowsk 2010, nr 1(1), s. 65-90.

¹³ Рассматривая возникновение торговли и развитие городов, Макс Вебер объясняет, почему евреи занимались преимущественно торговлей. Тот, кто строго придерживался еврейского ритуала, не мог быть крестьянином. Таким образом, евреи превратились в народ горожан, противопоставляя себя не знающим закона сельским хозяевам. Особенно предпочиталась денежная торговля, поскольку она одна предоставляла возможность всецело отдаваться изучению закона. Поэтому ритуальные основания толкнули евреев к торговле, в частности денежной, которая явилась для них ритуально замкнутым племенным или народным делом. Zob. М. Вебер, *История хозяйства. Город*, Moskwa 2001, s. 188.

¹⁴ *Статут Великого княжества Литовского 1529 года*, Mińsk 1960, s. 39.

¹⁵ Подсудность евреев непосредственно великому князю или его урядникам изначально была закреплена привилеем Болеслава Благочестивого 1264 г., а позже закреплена статьей 7 *Привилея литовским евреям 1388 г.* Zob. С. Лазутка, Э. Гудавичюс, *Привилегия литовским евреям Витуатаса Великого 1388 г.*, Moskwa 1993, s. 96. Сам привилей опубликован zob. С. А. Бершадским, *Русско-еврейский архив. Документы и регесты къ истории литовскихъ евреевъ*, t. 1 (1388-1550), Petersburg 1882, s. 2-25.

¹⁶ М. Довнар-Запольский, dz. cyt., s. 570.

¹⁷ Archiwum Głównie Akt Dawnych (dalej: AGAD), Zbiór dokumentów pergaminowych z lat 1155-1939, sygn. 8647; М. Любавский, *Литовско-русский сейм...*, s. 396-400.

порядок деятельности на конкретной таможене (таможнях) в течение времени аренды. Аренды регулировали отношения таможенника с властью, однако „умалчивали” о размере пошлин, ссылаясь на „старину” и давний обычай¹⁸. Таможенникам приходилось узнавать тарифы у своих предшественников, самим подбирать штат таможни, налаживать делопроизводство.

При аренде таможенных сборов служебный штат таможни состоял из: таможенника, товарищей, слуг, писаря (или дьяка). Таможенник осматривал товары, брал с них соответствующие пошлины, опечатывал (ставил „цеху”) и выдавал „квит” об оплате пошлин, осмотренный товар писарь записывал в реестр. Поскольку таможни арендовали одному лицу или группе лиц в разных населенных пунктах, то для взимания пошлин на местах требовались помощники или представители главного арендатора, фигурирующие в документах как товарищи¹⁹ и слуги²⁰. Разница между ними не вполне очевидна. Возможно, это была одна категория служащих, которые выполняли те же функции, что и основной арендатор, представляли его интересы при соаренде или заведовали мытной коморой от его имени²¹. Товарищей и слуг, скорее всего, рекрутировали из числа родственников, бывших таможенников, купцов или мещан, уже знакомых с порядком взимания пошлин. Помощников мытника также могли называть „потужниками”²² или „приятелями”²³. Специализация штата таможни выделена нечетко.

Приминительно к изучаемому периоду сложно говорить о таможенной службе как об административном аппарате с высокой степенью разделения труда, развитой иерархией управления, наличием многочисленных правил и норм поведения персонала и подбором кадров по их деловым и профессиональным качествам, т. е. всем, что М.Вебер называл рациональной бюрократией.

¹⁸ Ссылка на „старину” была основополагающим принципом жизни общества ВКЛ, основным девизом которого было „мы старины не рухаем, а новины не вводим”. О действии института старины в жизни ВКЛ зоб. М. Кром, „Старина” как категория средневекового менталитета (по материалам Великого княжества Литовского XIV – начала XVII вв.), „Mediavelia Ucrainica: Ментальність та історія ідей”, т. 3, Кіїв 1993, с. 68-85; Д. Ващук, Непорушність „старини”: державна політика Великого князівства Литовського чи історіографічна традиція кінця XIX – першої третини XX ст., т. 6, „Україна в Центрально-Східній Європі”, Кіїв 2006, с. 423-438; tegoż, „Старина” як інститут регулювання економічних відносин у Великому князівстві Литовському (кінець XV – XVI ст.), [w:] Terra cossacorum: студії з давньої і нової України. Науковий збірник на пошану доктора історичних наук, професора Валерія Степанюка, Кіїв 2007, с. 415-433.

¹⁹ LM, Knyga Nr 4. (1499-1514), oprac. L. Anužytė, Wilno 2004, nr 10; LM, Knyga Nr 6. (1494-1506), oprac. A. Baliulis, Wilno 2007, nr 417; LM, Knyga Nr 8. (1499-1514), oprac. A. Baliulis, R. Firkovičius, D. Antanavičius, Wilno 1995, nr 129; LM, Knyga Nr 224. (1522-1530), oprac. S. Lazutka, I. Valikonyte, Wilno 1997, nr 102; Rossijskij Gosudarstwennyj Archiw Driewnich Aktow (dalej: RGADA), zesp. 389, op. 1, sygn. 17, k. 214-216.

²⁰ LM, Knyga Nr 14. (1524-1529), oprac. L. Karalius, D. Antanavičius, Wilno 2008, nr 64, 588, 672; LM, Knyga Nr 224. (1522-1530), nr 81, 102, 212, 216, 217; RGADA, zesp. 389, op. 1, sygn. 7, k. 1274-1275; sygn. 17, k. 214-216.

²¹ LM, Knyga Nr 224. (1522-1530), nr 82. В 1523 г. берестейские восковничии и соляничии не все отдали с берестейской коморы Михелю Езофовичу. Король обращается ко всем, кто на коморе работал „а служебнику радцы места Краковского пана Михел Шписова, тому, который мыто в Берести от него заведаеть”.

²² RGADA, zesp. 389, op. 1, sygn. 33, k. 66v.

²³ Centralnyj Dierzawnyj Istoricznij Archiw Ukraini m. Kijew, zesp. 28, op. 1, sygn. 3, k. 57-58v.

Для подтверждения высказанной выше гипотезы, рассмотрим точки соприкосновения канцелярии и таможенной службы. До первой трети XVI в. писари канцелярии привлекались к принятию отчетов с таможенных пошлин.

В конце XV – 20-х гг. XVI в. писари великокняжеской канцелярии привлекаются к сбору отчетов с таможенных пошлин. Так, в 1494-1497 и 1507-1509 гг. наивысший и старший писари единолично или совместно с другими служащими принимали отчеты („личбы“) у арендаторов государственных доходов: мытников, ключников, восковничих²⁴.

После окончания срока аренды мытника представляли отчет – „личбу“ – о доходах и расходах на местах с арендуемого мыта по „квитациям“ (ассигновкам) великого князя²⁵. Результаты отчета вписывали в книги ЛМ, в конце которого указывали имя писаря, при котором он осуществлялся²⁶.

В казну живые деньги с таможенных пошлин практически не поступали, а раздавались путем выдачи „квитаций“ арендаторам мыт и корчем или лиц, заведовавшим сбором пошлин „к верной руке“. Это был один из способов уплаты жалования и казенных долгов. Квитации составлялись и выдавались писарями великокняжеской канцелярии. Каждый писарь вел реестр „квитациям“, выданным при его посредстве, с кратким обозначением их содержания. Когда этот реестр становился значительным, чтобы восстановить его в случае утраты, приказывал своему дьяку переписать его в книгу ЛМ. Оплаченные квитанции предъявлялись арендаторами при сдаче отчета о доходах и остаточных сумм в казну²⁷.

Реорганизация канцелярии на протяжении 1516-1522/23 гг. привела к дифференциации аппарата писарей. Выделяется группа писарей, которая была задействована преимущественно в финансовой сфере, в деятельности скарба и посольской службе²⁸. К числу таких писарей с 1509 г. принадлежал и подскарбий земский – начальник скарба²⁹ ВКЛ³⁰.

Участие подскарбия в принятии отчетов соответствовало бы его должностным функциям. Однако наявные документы ЛМ указывают, что подскарбий земский иногда принимал отчеты у мытников вместе с писарем, маршалком или дворянами³¹, как один из контролеров. М. Любавский предположил, что это происходило не в силу должностных обязанностей подскарбия, а по специальному

²⁴ А. Груша, *Службовы склад...*, s. 16.

²⁵ М. Любавский, *Литовско-русский сейм...*, s. 397.

²⁶ ЛМ, Кныга Nr 5. (1427-1506), nr 180; ЛМ, Кныга Nr. 6. (1494-1506), nr 395, 414, 562, 574, 577, 579, 611, 625; ЛМ, Кныга Nr. 8. (1499-1514), nr 119, 552.

²⁷ М. Любавский, *Литовско-русский сейм...*, s. 397-399.

²⁸ А. Груша, *Службовы склад...*, s. 38.

²⁹ Скарб – 1) государственная структура ВКЛ, которая отвечала за экономическое и финансовое управление. В штат скарба входили подскарбий земский – руководитель, скарбный – помощник подскарбия, скарбные писари и дворяне; 2) место хранения государственных доходов ВКЛ, в том числе с пошлин, государственных регалий, оригиналов общеземских привилеев, международных договоров и книг ЛМ. Zob. М. В. Любавский, *Литовско-русский сейм...*, s. 394; Энциклапедыя „Вялікае княства Літоўскае“, t. 2, s. 571; А. Груша, *Доверля ли монарх...*, s. 44-49.

³⁰ М. Любавский, *Литовско-русский сейм...*, s. 394.

³¹ ЛМ, Кныга Nr. 6. (1494-1506), nr 3, 372, 414, 562.

поручению великого князя³². Так, в 1504 г.:

князь Михаило, маршалокъ, а Ивашко Сапега, а Ивашко подскарбии взяли личбу в мытника луцкого и берестейского, в Лерина Гериша с обоюх мыт на тые минулые два годы што прошли [...]»³³.

Кроме принятия отчетов подскарбий земский привлекался к расследованию спорных ситуаций о незаконном взимании пошлин³⁴ и конфликтов между соарендаторами³⁵, рассматривал дела о целесообразности взимания пошлин в определенных местах³⁶.

Помимо господаря и Панов-рады не создано еще никакого другого постоянного органа для центрального управления финансовой частью ВКЛ. Подскарбий земский не был министром финансов, а только главным азначеем при центральной государственной кассе (скарбе), куда поступали из местных касс все средства, не израсходованные на местах. Его функция состояла в приеме остатков, выдаче расписок, выдачи из скарба денег и вещей. Реестры сделанным расходам вместе с листами и квитами подскарбий предъявлял при личбе перед великим князем и Панами-радою как оправдательные документы³⁷.

Чтобы руководить финансовой сферой, подскарбий, как минимум, должен был обладать профессиональными навыками по составлению реестров о доходах и расходах, считать, писать, т.е. такими, какими владели писари канцелярии. Можно предположить, что именно поэтому должность подскарбия выделялась из служебного штата канцелярии.

Эволюция должности подскарбия земского с хранителя казначейства до, фактически, министра финансов во второй половине XVI в. иллюстрирует превращение государственных агентов в руководителей создающихся автономных ведомств. Ведомство канцлера было порождено структурами монаршей канцелярии, казначея – механизмом его казны. Эта деятельность требовала высокой квалификации и знаний³⁸. Принцип сословного оформления высших должностей знаменовал превращение служения государю в государственную службу. Многие получали назначения на должность в силу своих личностных качеств и доверия со стороны правителя. Верность ценилась превыше всего. Помимо этого, функции должностных лиц и учреждений управления складывались стихийно, они закреплялись в качестве традиций, их трудно было изменить.

Панская и княжеская служилая знать, монополизировала важнейшие государственные посты. Должности подскарбия земского и дворного, требующие экономических дарований, не привлекали аристократическую элиту, и в конце XV в. они стали полем деятельности для возвысившихся русских знатных семей.

³² М. Любавский, *Литовско-русский сейм...*, s. 400-401.

³³ LM, Knyga Nr 5. (1427-1506), nr 180; LM, Knyga Nr. 6. (1494-1506), nr 3, 372, 414.

³⁴ LM, Knyga Nr. 6. (1494-1506), nr 26.

³⁵ LM, Knyga Nr 14. (1524-1529), nr 784.

³⁶ LM, Knyga Nr. 12. (1522-1529), oprac. D. Antanavičius, A. Baliulis, Wilno 2001, nr 156

³⁷ М. Любавский, *Литовско-русский сейм...*, s. 400-409.

³⁸ Э. Гудавичюс, *История Литвы с древнейших времен до 1569 года*, t. 1, Moskwa 2005, s. 410-411.

Наиболее отличились Федор Хребтович, который был подскарбием земским в 1501-1504 гг., Михаил Богущ-Боговитинович, с успехом трудившийся и в канцелярии – в 1509 и в 1520-1530 гг. Исключение составила фигура Аврама Езофовича, занимающего пост в 1510-1519 гг.³⁹

Выкрещенный еврей Аврам Езофович не имел отношения к канцелярии, как предыдущие и последующие подскарбии. Он был купцом, мытником и крупным кредитором великого князя, получившим в награду за оказанные услуги шляхетский титул с гербом Лелива. Авраму Езофовичу удалось увеличить государственные доходы, благодаря их разделению на государственные и личные доходы великого князя, не прибегая к чрезвычайным мерам⁴⁰, упорядочению монетного двора и замене системы откупа таможенных пошлин системой управления через доверенных лиц за определенную плату и, таким образом, повысить их доходность⁴¹. С 1519 г. появляются первые известия о существовании скарбных писарей, которые вели приходные и расходные ведомости⁴².

С первой трети XVI в. один из писарей был в то же время и подскарбием земским. С 1520-х гг. наивысшим писарем (непосредственный начальник писарей) становился тот, кто в то же время являлся подскарбием земским. Таким образом, власть одновременно создала должность руководителя „канцелярии” скарба. В силу занимаемой должности объем его работы в канцелярии существенно уменьшился. Количество документов наивысшего писаря М. Богуща-Боговитиновича, который стал подскарбием земским в 1520 г., составило 1/7 по сравнению с количеством документов каждого из двух других писарей канцелярии – Коптя Василевича и Ивана Горностая⁴³.

С постепенным расширением полномочий подскарбия в сфере контроля за государственными доходами, уменьшается количество личб и квитанций самих мытников в книгах ЛМ. Их отсутствие объясняется отчетами о всех государственных доходах, в том числе и с таможенных пошлин, самих подскарбиев⁴⁴. Т.е. писари канцелярии освобождаются от принятия отчетов от

³⁹ Tamże, s. 413-415.

⁴⁰ С мнением С. Бершадского и М. Довнар-Запольского о разделении государственных доходов на личные и государственные во время подскарбства Аврама Езофовича был не согласен М. Любавский, который считал, что это произошло второй половине XVI в. Zob. М. Любавский, *Литовско-русский сейм...*, s. 396-397; М. Довнар-Запольский, *Литовские упоминки татарским ордом. Скарбовая книга Метрики Литовской 1502-1509, Symferopol 1898*, s. 3-4.

⁴¹ С. А. Бершадский, *Аврам Езофович Ребичкович, подскарбий земский, Член Ряды Великого княжества Литовского. Отрывокъ изъ исторій внутреннихъ отношеній Литвы въ начале XVI века*, Kijów 1888, s. 125-133. О деятельности пана Аврама Езофовича как подскарбия земского zob. М. Horn, *Żydzi i mieszczanie na służbie królów polskich i wielkich książąt litewskich w latach 1386-1506. Uwagi wstępne. Bankierzy i celnicy, „Biuletyn Żydowskiego Instytutu Historycznego”*, 1985, nr 1-2, s. 3-19; tegoż, *Żydzi i mieszczanie w służbie celnej Zygmunta Starego i Zygmunta Augusta, „Biuletyn Żydowskiego Instytutu Historycznego”*, 1987, nr 1, s. 3-20; W. Pocięcha, *Abram i Michał Ezołowicze, działacze gospodarscy XVI w.*, Kraków 1947, s. 20.

⁴² Энциклапедыя „Вялікае княства Літоўскае” в 2 т., т. 2, К- Я, Mińsk 2007, s. 438.

⁴³ А. Груша, *Службовы склад...*, s. 24, 38.

⁴⁴ В книгах записей ЛМ имеются общие отчеты о государственных доходах: Аврама Езофовича за 1511-1514 г. – 46 тысяч 436 коп 25 грошей, к тому же подскарбий выдал своих денег 6016 коп грошей. ЛМ, Кнуга Nr 8. (1499-1514), nr 156; Ивана Горностая за 1531-1535 гг. – 82 тысячи 736 коп 30 грошей и 1 пенязь, который остался должным казне – 482 копы и 43 гроша. ЛМ, Кнуга Nr 15. (1528-1538), оргас. А.

разных мытников, потому как их принимал подскарбий, потом записывал в свои реестры и составлял общий отчет со всех государственных доходов.

Белорусский историк А. Груша отметил, что кроме отчетов земских подскарбиев, мытников, восковничих и соляничих, корчмарей и др. в книгах ЛМ нет ни одного отчета воеводы, старосты, наместника-державцы. Если бы отчеты существовали, то они должны были храниться в скарбе. А учет доходов должен был бы соотноситься с данными книг ЛМ о пожаловании земель, имений, крестьян и т.д. Но книги ЛМ хранились в канцелярии. А это создавало трудности для осуществления контроля в фискальной сфере.

Назначение на должность одного из писарей канцелярии Михаила Богуша Боговитиновича, возможно, должно было решить проблему свободного доступа земского подскарбия к книгам ЛМ. Тогда речь должна идти о систематическом использовании книг Метрики, т. е. необходимости постоянного хранения книг ЛМ в помещении скарба. Однако наличный материал данного периода, по мнению А. Груши, не дает оснований для таких утверждений⁴⁵.

Как подскарбий земский, Богуш Боговитинович только фиксировал доходы с таможенных сборов в своих реестрах, не вмешиваясь в дела таможенной службы. Это было связано с тем, что в 20-х гг. XVI в. власть попыталась сосредоточить сбор таможенных пошлин в одних руках, возвращаясь к системе откупов. Так, сбор таможенных пошлин, доходы с восковых и соляных комор в двух крупных таможенных округах ВКЛ – Подляшском и Вольнском, арендовали за 9000 коп грошей группе евреев⁴⁶ во главе с мытником Михелем Езофовичем⁴⁷, братом Аврама Езофовича.

Именно Михелю Езофовичу, старшему среди евреев⁴⁸, крупному купцу и кредитору великого князя принадлежит наибольшая заслуга в организации таможенной службы и контроле над сборами пошлин на землях ВКЛ. В 1509 г. Михеля Езофовича уполномочили принимать отчеты у восковничих и соляничих большинства комор ВКЛ, а потом отчитываться перед великим князем: „личбу Михель вжо маеть со всего того нам выдавати»⁴⁹. Таким образом, Михель Езофович частично выполняя функции подскарбия земского по принятию отчетов с таможенных пошлин, практически возглавил таможенную службу. Хотя реально такой должности не существовало. Михель Езофович, по сути, был менеджером, сумевшим организовать с помощью своих товарищей и слуг сбор пошлин почти во всем княжестве.

В 1529 г. откупщики таможенных пошлин, соляных и восковых комор перешли в заведование канцлера Мартина Гаштольда (1522-1529 гг.). Вероятно, это было связано со смертью Михеля Езофовича и отсутствием человека, который продолжал бы выполнять его функции, а также смертью подскарбия земского

Dubonis, Wilno 2002, nr 200.

⁴⁵ А. Груша, *Доверял ли монарх...*, s. 50-51.

⁴⁶ ЛМ, Кныга Nr 224. (1522-1530), nr 81, 102.

⁴⁷ Л. Жеребцова, *Роль евреев-мытников...*, s. 15-17.

⁴⁸ ЛМ, Кныга Nr 9 (1511-1518), oprac. K. Pietkiewicz, Wilno 2002, nr 142.

⁴⁹ ЛМ, Кныга Nr 8. (1499-1514), nr 133.

Богуша-Боговитиновича в 1530 г.

Известная исследователь ЛМ Ирена Сулковська-Курасьева предложила интересную идею – сравнить компетенцию урядов канцлера и подскарбия земского и документов, возникших в результате их деятельности. Потребность такого исследования вызвана большим количеством документов, относящихся к деятельности скарба в книгах ЛМ⁵⁰. Предварительные наблюдения, позволяют судить о том, что до 30-х гг. XVI в. были попытки власти превратить канцлера в высшего руководителя хозяйством ВКЛ и даже поручили полный контроль над некоторыми видами государственных доходов. Однако, впоследствии, когда канцлер вошел в состав Панов-рады, стал принимать участие в составлении сборников законов и наиболее важных государственных актов, канцлер оказался первым должностным лицом государства (после великого князя). Канцлер мало времени уделял реальной работе в канцелярии, не всегда должным образом выполнял свои обязанности, подчас смешивая общественные и личные интересы⁵¹.

В течение первой трети XVI в. на должность подскарбия стали назначаться наивысшие писари канцелярии, уже знакомые с ведением делопроизводства и бухгалтерского учета. Возможно, именно неосуществившиеся попытки превращения канцлера в руководителя экономикой ВКЛ повлекли передачу этих функций главному казначею княжества, также выходцу из штата канцелярии. Расширение полномочий подскарбия в финансовой сфере повлекло дальнейшее обособление скарба в отдельную государственную инстанцию.

С 1531 г. откупщики таможенных пошлин, восковничии и соляничии перешли в подчинение к подскарбию земскому. Новый подскарбий земский Иван Горностай, назначенный на эту должность по причине личного доверия со стороны великого князя, получил право аннулировать договоры на аренду пошлин, принимать доходы у откупщиков, судить их и их слуг в отсутствие великого князя, выдавать квитанции. Таможенников оповестили о назначении Ивана Горностая новых и полномочиях подскарбия. Великий князь требовал предоставить реестры доходов и расходов с таможенных пошлин и документы аренд, на основании которых мытники работают:

поведаем вамъ иж дали есмо подскарбее земское маршалкѣ и писарю н(а)шому державцы слонимскому и дорсунишскому пану Иванѣ Горностаю со всимъ с тым как за отца и брата н(а)шого славное памяти королеи их м(и)л(о)сти бывало и вы бы о том ведали и таго часу вси до него к Вилни ся съехали и о вси реистра мытницкии водле которых бѣдете доходы н(а)ши збирали и роздавали и теж оранды свои перед нимъ положили и о всяких справах мытных и о пѣназех што будете на тот часъ в себе мети ему достаточне и справедливе поведали и личбу вчинили⁵².

⁵⁰ I. Sułkowska-Kurasiowa, *Metryka litewska – charakterystyka i dzieje*, „Archeion”, t. 65, 1977, s. 100.

⁵¹ Р. Рагаускене, *Канцлеры Великого Княжества Литовского и Литовская Метрика в XVI в: вопросы сохранности документов государственной канцелярии*, [w:] *Новости Литовской Метрики*, nr 7, pod red. И. Валиконите, А. Дубонис, Wilno 2003, s. 35-37.

⁵² AGAD, Zbiór dokumentów pergaminowych z lat 1155-1939, sygn. 8647.

Документ закреплял действовавшую на практике традицию отчетов за аренду каждые полгода. С 1550-х гг. к подскарбию земскому перешло руководство экономикой ВКЛ. Он стал заведовать целой областью управления, и был наделен широкими распорядительно-исполнительными функциями⁵³.

Вторая часть сформулированной гипотезы касается влияния канцелярии на организацию делопроизводства на таможах. По условиям аренды мытники выплачивали всю сумму частями, раз в полгода. Поступления „сверх” арендной суммы оставались мытнику. Поэтому мытникам приходилось вести четкие реестры о реальных доходах и расходах по квитанциям с арендуемого мыта. Случалось так, что великий князь выписывал по квитанциям большую сумму, чем было собрано с определенного мыта и мытники выдавали свои деньги.

Реестры с таможен не сохранились, хот и велись, а мытные книги стали известны с 1583 г.⁵⁴ Так, в 1524 г. Михель Езофович требовал с восковничих и соляничих луцких отчет, который те должны были сделать еще при подскарбии Авраме Езофовиче:

абы тыи реистъра всих тыхъ доходовъ коморнихъ подали, личьбу перед ним вчинили, бо тежъ Михелъ тыи реистра маеть передъ господаремъ положить и личьбу вчинити⁵⁵.

Для ведения реестров штату таможи требовался человек, обладающий навыками делопроизводства. Сложно определить, когда в штате таможи появляются писари (реже фигурируют дяки), ведущие реестры. В документах 30-х гг. XVI в. уже имеются сведения о писарях на таможах⁵⁶. Вести реестры могли сами мытники или их слуги. Показательным примером является конфликт между слугой Михеля Езофовича Богданом и бельским мещанином Тимошем Сегеневичем, длившийся с 1524 по 1527 гг. Сегеневич обвинил Богдана в том, что тот самовольно взял часть денег с совместно арендуемых восковых и соляных комор в Бельске:

которыи жо его [Михеля Езофовича – Л. Ж.] слуга на имя Богдан от него тую комору при нем заведаль и тую всю часть, што на Михеля приходило, браль, а ему [Тимошу Сегеневичу – Л. Ж.] в томъ личьбы не вчинилъ и реистровъ не отдалъ⁵⁷.

В ходе разбирательства выяснилось, что обвиняемый слуга Богдан только

---

⁵³ М. Любавский, *Литовско-русский сейм...*, s. 411; Энциклопедия „Вялікае Княства Літоўскае”, t. 2, s. 386-387.

⁵⁴ Энциклопедия „Вялікае Княства Літоўскае”, t. 2, s. 386-387.

⁵⁵ LM, Knyga Nr 14. (1524-1529), nr 241.

⁵⁶ В 1540 г. князь Кузьма Заславский, который продал свою часть острожского мыта королеве Боне, беспокоился о том, как его взимают на таможе в Остроге. Поэтому он просит королеву позволить ему держать своего писаря на таможе: „абы тое мыто там пилней и верней было выбрано”. *Archiwum Sanguszków*, t. 4, Lwów 1890, s. 257-258.

⁵⁷ LM, Knyga Nr 14. (1524-1529), nr 672.

наблюдал за взиманием пошлин, представляя интересы Езофовича, а Сегеневич взимал все мыто на себя. В 1525 г. Тимош признается, что деньги взял не Богдан, а сам Михель⁵⁸. Оказалось, что Михель Езофович действительно взял у Тимоша деньги – 736 коп грошей, которые он остался должен после отчета об аренде с бельских комор в Тыкотине⁵⁹.

Тимош Сегеневич обвинил Богдана потому, что тот не присутствовал при его отчете в Тыкотине. Для того чтобы в этом убедиться, великий князь уполномочил господарского мытника Нахимовича, войта бельского Ивана Сегеневича и подскарбего виленского воеводы Миколая Захарича сделать выписки из этого отчета по аренде. В итоге: „ино в тыхъ реистрехъ ничего не найдено, штобы Богдан взял и Михелю далъ, але што брано восковничое – то все брал Тимош”⁶⁰.

При соаренде слуга мытника больше выступал наблюдателем при взимании пошлин, записи о приходах и расходах вели в форме реестров, которые потом использовали для отчета, мытники должны были отчитываться друг перед другом. Независимо от того, какие отчеты писари вносили в книги ЛМ, сами мытники вели и хранили реестры о приходах и расходах, что подтверждается предоставлением таких записей во время судебных разбирательств.

Возникает вопрос: как мытники научились организовывать делопроизводство на таможах и вести реестры? Очевидно, мытники это делали по наитию, поскольку многие из них занимались торговлей, и по роду деятельности им приходилось уметь писать и считать. Обычной формой для записи являлся реестр. В тоже время, отчеты мытников заносились в книги ЛМ еще с конца XV в. и, следовательно, фиксация приходно-расходных записей на таможах велась.

Принципы записи отчетов мытников в книги ЛМ были выработаны писарями канцелярии, поскольку они их сами принимали, а также выписывали квитанции. Вполне возможно, что таким образом писари канцелярии „подсказали” мытникам, как вести приходно-расходные записи, показали образец. Книги ЛМ 4, 5, 6 и 8, охватывающие период конец XV – 10-е гг. XVI в., содержат целые серии аренд и отчетов с взимаемых пошлин. Определить условный формуляр личб и квитанций достаточно сложно. Это позволило М.Бережкову высказать предположение, что эти серии за неимением отдельных scarбовых актов книг, впоследствии могли бы таковыми стать. Однако, поскольку деловая актуальность приходно-расходных записей была менее длительной, чем документов, внесенных в книги записей, судебных дел или посольских ЛМ, то отчеты с пошлин вели менее тщательно⁶¹.

Если бы отчеты мытников не были важны, вероятно, их бы не заносили в книги ЛМ. С централизацией сбора пошлин в руках Михеля Езофовича, наблюдаются попытки власти унифицировать и упорядочить отчетную документацию мытников, когда его уполномочили принимать отчеты со всех таможен-

⁵⁸ LM, Knyga Nr 224. (1522-1530), nr 212, 216.

⁵⁹ LM, Knyga Nr 14. (1524-1529), nr 64.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Н. Г. Бережков, *Литовская Метрика как исторический источник, cz. 1, О первоначальном составе книг Литовской Метрики по 1522 г.*, Moskwa 1916, s. 113-114.

ных пошлин у всех мытников. Позже, уже опробованную практику вменили в обязанности подскарбия земского.

Проанализированный материал позволяет подтвердить рабочую гипотезу, что канцелярия, будучи единственной структурой, документально обеспечивающей решения власти в общественной, политической и экономической жизни ВКЛ, послужила фактором первичной бюрократизации таможенной системы. Только фактором, потому что организация самой таможенной службы во многом лежала на лицах, арендовавших таможенные сборы. Развитие канцелярских форм делопроизводства послужило примером для ведения приходно-расходных записей на таможах и появлении в штате таможи для этого отдельного служебного лица – писаря.

В связи с важностью государственных доходов как таковых, а в особенности таможенных пошлин, государство пытается выделить отдельных лиц из числа служащих канцелярии, которые бы занимались регистрацией доходов и расходов с таможенных пошлин. С наделением подскарбия земского исключительными полномочиями контроля над доходами с таможенных пошлин, наблюдается превращение скарба ВКЛ в отдельное ведомство, отвечающее за всю финансовую сферу княжества.

Streszczenie

Larysa Żerebcowa

Wpływ kancelarii wielkksiążęcej na podstawy biurokratyczne systemu celnego Wielkiego Księstwa Litewskiego

Na przełomie XV i XVI w. na ziemiach Wielkiego Księstwa Litewskiego rozpoczął się proces formowania struktur administracji celnej. Wpływ na jej organizację miała oczywiście kancelaria wielkiego księcia. Metryka Litewska zawiera bardzo wiele wpisów o stworzonych organach administracji celnej. Jednak nie było specjalnego rodzaju dokumentów wydawanych w tym celu a proces formowania struktur celnych był powolny. Tworząca się administracja celna nie składała się urzędników wielkiego księcia. Nosiła ona charakter służby prywatnej. Realizacja zadań związanych z poborem cel i nadzorem finansowym należała do osób zatrudnianych na podstawie kontraktów (dzierżawy). Wielu celników było narodowości żydowskiej. Nadzór sądowy nad ówczesną służbą celną sprawował wielki książę, a następnie podskarbi ziemski. W omawianym okresie, pracownicy kancelarii WKL zajmowali się gromadzeniem sprawozdań o dochodach z cel, rejestrowali umowy dzierżawy cel itd. Kancelaria zaczyna wpływać na pracę urzędów celnych. W umowach dzierżawy cel pojawiają się wytyczne odnośnie prowadzonej dokumentacji (rejestry cel). Na ich podstawie kancelaria mogła ustalać wysokość wynagrodzenia urzędników celnych oraz kontrolować ich działalność.

Summary

Larisa Zherebtsova

Impact of Chancellery of the Grand Duke on the bureaucratic basis of the customs system Grand Duchy of Lithuania

At the turn of the fifteenth and sixteenth centuries in the lands of the Grand Duchy of Lithuania began the process of forming structures of the customs administration. Impact on the organization of this service took Chancellery of Grand Duke. Lithuanian Metrica contains very many entries about create a customs administrations. However, there was a special type of documents issued for this purpose and the process of forming a customs structures was been slow. Forming a customs administration is not composed of officials of the Grand Duke. It bore the character of a private service. The tasks associated with the collection of customs and financial supervision exercised persons employed under contracts (leases). Many tax collectors were Jewish. Judicial supervision of the customs service was then held the grand duke, and then the county treasurer. During this period, the staff of Chancellery Grand Duchy were involved in the collection of reports on income from customs duties, customs recorded the lease agreement, etc. Chancellery starts to affect the work of customs. In the agreements duties lease appear carried guidelines for documentation (customs records). On their basis the Chancellery can determine the amount of remuneration of officials of Customs and control their activities.